

Бакыт КАРИБАЕВА,
*писатель, профессор,
доктор филологических наук*

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР

Воспоминая Евнея Букетова

Эссе

В декабре 1982 года я работала дома с научной литературой по теме своей двухгодичной докторантуры, когда мне позвонила секретарь Евнея Букетова Гульбану Артыкбаева:

– Бака! Почему ты не зайдешь к Евкену?! Он о тебе спрашивает. Ты ведь заходила, когда он был ректором!

– Я же сейчас работаю по докторантуре дома...

Ответить ответила, но сама задумалась. Почему он обо мне спрашивал?! Ведь хуже меня не найти человека, чтобы поднять кому-нибудь настроение. Может быть, он хотел поделиться со мной своими литературными идеями? Никакой логики и в этом предположении я не нашла: не было такого, чтобы совпадали наши мнения по работе. В любом случае, нужно идти на встречу... Улица Ленина, 5, 2-й этаж здания химфака КарГУ, я поднимаюсь по лестнице, считая ступеньки. В голове вертится мысль: войти – не войти? Что мне ему сказать?! У него подавленное состояние, внешне интеллигент, внутри ранимая нежная душа, фигура батыра, вместе с тем переводчик Есенина – как бы нечаянно не задеть его чувства. Хватит ли мне сил облегчить его ношу, которую он взвалил на свои плечи подобно верблюду во время кочевья. ...Может быть, дальновидный Ага беспокоился о моей будущей незавидной жизни?! Не решаясь постучать в дверь, я стояла, разглядывая стенды на стене.

– Бакыт, ты просто так зашла? – я резко обернулась, вздрогнув от мягкого, как бархат, голоса...

Оказывается, Ага только шел на работу. Он сам открыл дверь ключом. У меня съезжилось сердце и сразу же упало настроение. Служебное помещение Евнея Букетова, слава о котором вчера только гремела среди казахов подобно славе хана Аблая, представляло собой небольшую комнату...

Да, всё перед моими глазами: в 1972 году в колыбели Сарыарки – Караганде открылся университет, о котором мечтал еще Григорий Потанин, друг казахского народа, молодого Чокана, лидера нации Алихана, патриота Ермакова: «Если бы в центре Сарыарки открылся университет, где учились бы местные юноши и девушки, казахи бы заявили о себе на весь мир», Евней Букетов был назначен ректором, приехал Сабит Муканов и выступил с речью.

В последующую десятилетку вокруг Букетова сплотились представители научно-образовательных кругов, литературы и искусства республики. Караганда стала второй духовной столицей! Корифеи казахской советской литературы обхаживали Евнея, а молодежь относилась к нему с почтением. А сегодня?! Подобно в один миг исчезнувшему Помпеям, всё стало ровным. Помпеи поглотила сама земля: что поглотило Евнея?! Где его торжественная приемная,

широкая, как ханский дворец, утопавшая в солнечном свете, где его нукеры, не подставлявшие лицо ветру, ногами не касавшиеся земли?! Где его сиявшее, как звезда, лицо, когда он чувствовал себя в том Белом дворце самым ханом Аблаем?! Ничего этого больше нет. Всё обратилось в потухшую планету. Его одежда, от синей каракулевой шапки на голове до сапог на ногах, вся обвисла, его крепкая когда-то фигура осунулась. Особенно выделялся его рост, как из расхожего афоризма его коллег, которые шутили, увидев человека в длинном халате на химфаке: «с Букетова сняли, что ли». Он недавно вышел из больницы, возможно, по этой причине он исхудал: я так себя успокаивала.

– Ага, как Ваше здоровье?

Такими были первые слова, пришедшие мне в голову.

– Слава богу, неплохо.

Взгляд его был тусклым: хоть он через силу смеялся, глаза его не смеялись.

Отчего была худоба Букетова, подобного эпическому батыру Алпамысу: от настроения или от болезни?! Такая мысль мигала в моем сознании словно вспышки лампочек на табло.

– Ага, когда Вы слегли по болезни в больницу, переживал весь город: я слышала, к Вам больницу приходило множество людей с искренними пожеланиями здоровья, – эти слова я сказала ему с подчеркнутой интонацией в голосе, добавив и о себе, чтобы поднять ему настроение: – Хоть вместе со всеми я желала Вам здоровья, не смогла к Вам зайти: было много людей... Не хотела Вас беспокоить.

– Всё нормально. Как твои дела? Я слышал, ты занимаешься докторантурой. Ты сможешь...

Он слегка улыбнулся. В разговоре повисла пауза. Я почувствовала себя виноватой и лихорадочно искала выход из неудобного положения. В такой ситуации разве придет в голову что-нибудь стоящее?! Я снова вернулась к теме его болезни, которой он избегал.

– Что теперь советуют врачи?

– Врачи видят единственное средство в физических тренировках. Говорят, что поможет только это. На службу я добираюсь пешком. Утром и вечером длительная прогулка, потом бильярд... Видимо, так следует тренировать сердечную мышцу.

Я обрадовалась тому, что ага заговорил обнадеживающе:

– Как хорошо. побыстрее выздоравливайте! Не хотелось бы видеть Вас в больничной пижаме. Вы для всех всегда остаетесь на высоте. И я хочу видеть Вас на высоте.

Ага слегка улыбнулся:

– Спасибо.

Голос у него как всегда бархатистый. Заметив, что настроение у меня упало, большой «психолог» тепло продолжил:

– Ну, что мне хорошего скажешь?

Я рассмеялась.

– Приходя только с добрыми пожеланиями, похоже, я Вас к ним приучила! В этот раз у меня деловое пожелание – провести с Вами литературную беседу. Конечно, если позволит Вам настроение и здоровье.

Ага заметно ожил, заторопился:

– Тогда давай пойдем на улицу! Я тебе покажу одну чудную дорогу. Отсюда через Центральный парк до моего дома ровно час пути. – Он посмотрел на часы. – И я вполне успеваю к обеду.

Когда мы, беседуя, дошли уже до проспекта Советского, ага внезапно остановился и начал шарить в кармане брюк. Лицо у него побледнело.

– Ага, что?

– Сейчас... – Рассмеялся. – Такое часто со мной случается...

Достал из кармана таблетку и положил ее под язык. Истонченный образ его, всегда подобного горе с недостижимой вершиной, его беспомощная зависимость от лекарства привели меня в уныние, мгновенно прервали беседу...

Я была уверена, что хотя всякие слухи могут полыхнуть подобно высушенной траве, «ствол» дерева всегда остается непоколебимым. Однако удар, нанесенный ему из Центра, не прошел для него даром: неужели опять подул «черный ветер», в свое время гнувший дубы?! По мысли Мусрепова – «Слов нет, это их следы». Внезапно в голову пришло образное выражение Ильяс Жансугурова о провальном походе хана Кене в Жетысу: «Погасли огни, нет больше юрты, кончилось безумие». Хоть погасли огни и упала юрта, Кене не признал поражения – а Евней Букетов признал и осознал. В чем проблема?! Как бы ага ни старался, он не выкрутился из сложившейся ситуации: он попался в ловушку. Любившее не его, а его «должность» «общество» теперь осталось ни с чем, «коварный поцелуй» Иуды сокрушил Букетова...

Да и возможно ли «сопротивление» после Магжана?! Аулы Кызылжара, радушно, с теплым вниманием встретившие вернувшегося из тюрьмы измученного Магжана, были «порублены-покрошены», их люди расстреляны-изгнаны, помнивший это молодой пламенный Евней сознательно отказался от мечты стать поэтом подобно Магжану: при выборе специальности он пошел по пути не Ауэзова, а Сатпаева. Зато серьезно занялся Есениным. Студент с поэтическим воображением, осознанно выбравший Политех, стремительно приходил к зданию КазГУ на улице Советской на лекции Ауэзова, внимательно вслушивался в каждое слово, опережая других учащихся КазГУ. Он и позже многих и многих опережал и на две-три головы был выше и в области химии и металлургии, и на писательской стезе.

К сожалению, на заре независимости Казахстана, на беду Евнея, совсем по казахской пословице, «волчонок оказался под шапкой». Злейший враг таился в собственном доме – вчера только как баловень-ребенок не слезавший с его колен, съевший за столом столько же бараньих ушей, сколько Евней съел бараньих голов, «ближний» Евнея повалил его самого – «бил кулаком по упавшему». Таким образом, блестяще усвоивший закономерности биосферы, «закономерностям» советского общества он сопротивляться не смог: в игре в «шахматы» он получил мат.

Глубоко освоивший, подобно Магжану, систему русского и казахского языков, Евней Букетов, слов нет, был в евразийском пространстве несравненно глубоким знатоком теории и истории тюркских языков, был достойным последователем своего земляка Магжана – об этом хорошо знали «властители» советской литературы. Так может быть, миссия взять последнее интервью у самого «исторического» Евнея была мне знаком свыше?! И вот наконец удачный момент – так что же ты замолчала?!

От напряженных чувств я теряю самообладание: в носу у меня защеколало, суставы одеревенели, во всем теле появилось чувство слабости. И лишь изнутри тонкий голос зудел: «Говори! Скажи! Не поддавайся бесплодным мыслям! Даже если трижды разрезать змею, у нее останется энергия кузнечика. Скажи! Избавь себя наконец от навязчивых вопросов!» Этот внутренний голос словно поджарил меня заживо, засунув обе мои ноги в один сапог, привел мои мысли в порядок.

– Ага, в бытность Вашу ректором я заходила к Вам «столбовой дорогой Касым хана», напрямую – хотя вряд ли могу вернуть свои максималистские, по-Вашему, суждения. Однако, простите! Поскольку сейчас Вы не ректор, Вы независимый, щедрый душой человек, чем мне и дороги, – позвольте воспользоваться этим!

Ага как будто что-то такое предвидел, от души рассмеялся.

– Да, говори. Я весь во внимании.

– Единственный раз мне встретился такой слушатель, как Вы! А эта степная равнина, ее сакральная природа зовет к вдохновению, дадите Вы мне слово?!

(Ясно, что такое «счастье» больше мне не подвернется!)

– Сегодня такой хороший день! – Ага радовался от души, как ребенок: мне это и было нужно – чтобы он сиял, как этот светлый день...

Он улыбнулся с иронией и повернулся ко мне всей грудью.

– Моя лесть Вас, привыкшего к похвалам, не удивит. Однако на два, даже на сто казахов не найдется одного Евнея. Причина моего обращения к такой «статистике»: рядовой казах не может вывести казахский народ в один ряд с передовыми народами. Вывести его в один ряд и даже вперед может только такой, как Вы, умный и выдающийся казах. Поскольку он многое видит раньше и дальше народа. Поэтому народ зависит и возлагает надежды на Ваш ум и силу. Это может или поддержать, или «ударить». Только честно служащие такому доверию люди способны делать историю. Потому каждое слово Махамбета сегодня прямо доходит до моего сознания и сердца.

Например, перечисляя трудности, отягощающие его плечи подобно двенадцати подвигам Геракла, он говорит: «пока шесть малта (кусочки сваренного творага. – *Авт.*) не высохнут и не станут пищей, пока твой родной ребенок не станет чужим тебе человеком с бородой, разве закончатся деяния героев?!» – эти слова Махамбета создают впечатление, что он где-то ходит живой. А сегодня сложно понять слова «умных личностей».

– Ты, похоже, обижаешься на своих старших братьев...

Чтобы разговор не перешел в другое русло, я продолжила его мысль:

– Нет, ага, я не обижаюсь, я хочу понять. Еще раз хочу понять. Наше «сегодня» завтра станет историей. Не понимая завтрашнюю страницу истории, как мы ее откроем?! С этой позиции назначение на должность ректора университета человека с Вашим потенциалом я приравнивала к явлению в сегодняшней истории казахского просвещения. Я предполагала, что будут проведены реформы во многих направлениях.

– Я не оправдал твои надежды?

Я неожиданно проглотила «яд» – горькую правду.

– Почему Вы задаете такой резкий вопрос, Ага?! Судья сделанному – история, следовательно – история... Мы превратили Абая, Чокана в догму: разве не гуманитарные предметы – наука для нового поколения? Что собой представляет подрастающее поколение без духовных родителей? Без учителя школа пуста! Когда Вы сами писали книгу о Каныше Сатпаеве, Ваше сердце тронули не его высокие звания, Вашу мысль и сознание пробудило и вело стремление обрисовать его живой образ.

– Какой разговор! На того же Канекена (Каныша Сатпаева. – *Авт.*) у меня ушло семнадцать лет жизни. Поверишь ли, ключ к нему я нахожу только сейчас. Секрет мастерства художественного искусства – сложная вещь. Я ведь был человеком, хорошо знавшим Канекена. Каждое его слово, образ его лица до сих пор у меня в памяти. Он с сарказмом относился к людям, о которых ты

говорила, что «они не стоят, чтобы с них сдували пылинки»: «Если с них не сдувать пылинки, они на тебя напишут жалобу».

Лицо его просияло, и он сам смеялся...

– Ага, еще раз меня простите. Лично я Вам бесконечно благодарна. Вы проявили заботу о молодом «специалисте». Вы укрепили меня в университете, как то перекасти-поле, которое летает по ветру и останавливается в овраге. Много раз обо мне заботились. Когда скончалась моя мать, Вы со своим статусом академика пришли ко мне домой с соболезнованиями, отчитали декана факультета Иманбекова, заставили через газету выразить мне соболезнование.

Вы подумали о моем социальном положении раньше меня самой, квартира в двадцать восемь квадратных метров была тесной для перспективного творческого человека, Вы пообещали расширить мои жилищные условия. Так же поступал Ваш учитель Канекен. В каком чиновнике найдешь такую «гуманность»? Однако решение только моих проблем поможет ли в общей беде?! Теперь наступил подходящий момент исполнить Ваше пожелание: «развей тоску, прочитав отрывок из поэтов, о которых ты пишешь»:

Вначале не по твоим волосам,

А по двум струнам домбры

Я поглажу рукой,

Прости меня, мой сын.

Прочитав эти неприятительные строчки Жумекена Нажимеденова, я не могла сдержатъ слез.

– Разве не признак геройства и нравственности то, что он не проявляет избирательности по отношению к родному, плоть от плоти, сыну?

– Я знаю немало людей, которые, позабыв о себе, стремятся принести пользу своему народу. У меня есть мысль написать о них.

Эти слова меня особо не впечатлили. Подобные умные слова от этого человека я много раз слышала с трибуны, по телевидению, часто читала в газетах и журналах. Однако стало ясно, что именно сейчас я видела его человеческий чистый образ, очищенный от звания-славы, даже от дипломатичности...

Вспомнилось, как однажды произошел такой интересный случай: журналист газеты «Орталык Қазақстан» Акселеу Сейдимбеков опубликовал анкету, на вопросы которой отвечал ректор КарГУ Евней Букетов. Журналист задает обычный дежурный вопрос: «Какие качества Вы любите, хотите видеть в молодых людях?» Академик-ректор отвечает: «Я люблю пламенность, страстность, принципиальность. Как говорится, “кто в тридцать лет не сделает свою ставку, в сорок не возьмет крепость”. Молодые люди должны быть такими настойчивыми».

Я была воодушлена, сидя дома: «Такие слова мог сказать только Евней Арыстанович». Когда спустя какое-то время в его кабинете в рабочем порядке я напряженно доказывала важный вопрос преподавания литературы, Евкен посмотрел на меня долгим взглядом и сказал: «Ты сама в этом виновата... Если бы ты ходила ниже травы, тише воды, не было бы лучше тебя человека! Дорогая, ты вот так себя и веди», – сказал и опустил взгляд. Чуть погодя продолжил, пристально на меня взглянув: «Я стал академиком, называя козу бабушкой, а козла зятем, а ты что хочешь?» Я совсем не ожидала этих слов: я была совершенно далека от мысли, что Евней может пострадать от кого-то, может зависеть от кого-то.

– Каким Вашим словам нужно верить: газетным или кабинетным?

Ясно, что этот человек тоже совершенно не ожидал от меня таких слов, нарушивших субординацию по отношению к прямому начальнику – официальному должностному лицу.

– Ага, я не хочу быть академиком, – мне хотелось прервать неловкое молчание.

Снова для меня неожиданность – ага от души рассмеялся. Смех был не фальшивым, он смеялся смехом, доставлявшим ему удовольствие, достал из нагрудного кармана платок и вытер слезы в глазах... Я поднялась со своего места с намерением выйти. Разрядивший свою напряженность ага сказал:

– Правильно говоришь. Я обращаюсь к ним с лаской, да, а таких, как ты, людей мне больше хочется ругать.

Последние слова он сказал со смехом, уставив на меня указательный палец.

– Почему?

– Ты глупая. Размениваешь свое большое дарование, свое будущее на мелкие вещи. Я всегда ругаю людей, способных на большие дела. А людей, ни на что не способных, я похлопываю по спине.

Я задумалась.

– Почему замолчала?! Согласна?

– Нет, Ага, не могу согласиться.

– Вот ты упертая, – он покачал головой. – Не соглашаешься, когда уже согласна.

Он снова с удовольствием рассмеялся. Я не смогла промолчать: нужно было завершить начатую тему, я не могла согласиться с Евнеем по той причине, что человек, у которого в руках общественное дело и судьба народа, не может быть либералом. Ага подготовился к наступлению: «Э, у тебя нет возможности изменить общество, не трать даром силы! Самый смешной в жизни человек тот, кто не осознает своих возможностей. Чацкие сегодня даже в литературе вышли из моды – потеряли свою живучесть».

– На арене Чичиковы! Вы хотите сказать, что им нужно аплодировать, лить на их мельницу воду. – Я поднялась со своего места. – До свидания, Ага!

* * *

Я иду рядом с Евнеем, напоминающим мне эпического героя Алпамыса. От гармонии его слов, как от «лекарства для сердца», пришло благодатное настроение – мы молчим. Благодатная тишина. В лице Евнея – загадка. Я же словно проглотила застрявшую в горле кость: вернулась легкость в руках и ногах, облегчение в голове и в спине. Я испытывала некое довольство: кем, чем, не знаю, да и знать не хочу. Дышать стало легче, я огляделась вокруг жадным взором: в этот момент Центральный парк, продлившийся густым лесопарком под названием «Зелентрест» прямо до квартиры Евнея, мне виделся совсем по-другому. Я повернула шею направо: вижу искусственное озеро, занимающее площадь в несколько гектаров. Если мне чем и быть довольной, то этим архитектором Центрального парка, его «эскизом» озера, напоминающим Кокшетау и величественную гладь Борового, с его соснами, растущими на берегах... Я продолжаю свою медитацию: я как будто в священных предгорьях Кокшетау – на благоухающих «восьмидесяти озерах». Я вдыхаю всей грудью их запах, совсем по ассоциации с великим Биржаном: «Прозрачное как слезинка серебристое озеро» – разве это просто красивая картина?!

Песни Биржана, по-особенному чувствовавшего свойство чистейшей слезы и чудо единения человека и природы, потрясли родину искусств Италию и подтвердили историю о том, что Биржан пел вместе с лебедями. Гора Кокше открыла тайну лебедей и советскому Сакену (Сейфуллину)... Человек той же эпохи, поэт Жумекен удивлялся: «Биржан – Колумб казахского искусства». Поскольку пламя искусства Биржана пылало целый век, а его лейтмотив – «Под-

нявший знамя мой торжествующий народ!» (припев песни «Сарыарка») точно отражает национальный код искусства: чудесный кюй Курмангазы «Сарыарка» добавляет свою музыку к этому лейтмотиву.

В 1930-х годах нашедший убежище на своей родине в Кызылорде Иманжусуп в этой же «традиции» жалеет как о родной матери о матери-природе «Сарыарке»: «Взяв беркута, взойду на твою вершину, покажись мне на глаза, Ерейментау». Он хорошо знал народную летопись равнинной Сарыарки, поскольку:

*Абылай хан не мог перейти желтую степь Арки,
Народ кочует по ней с Куандыком и Суюндыком.
Не загрязняются, когда из них пьют сорок тысяч лошадей,
Озера Нияза Аюлы и Караколь.*

*Твои выложенные рядами камни!
Твои вершины, виднеющиеся в дымке!
Когда я вспоминаю мою дорожную землю,
Из глаз моих текут слезы.*

Эта песня, парившая на лебединых крыльях, перенесла мою душу во времена «Аккошкара и Сайдалы», человеческого Кишкентаева Аккошкара, хозяина озера Коргалжын, из которого «пили воду сорок тысяч лошадей», показала мне озеро Караколь...

Кто знает, может быть, и Евней в сокровенной тишине потому вошел в образ Есенина, что тосковал по своему народу «белых берез». Этот момент по значимости я приравниваю к веку: небольшая парковая площадка до ивы с тополем, до каждой травинки напоминает мне целую степь и этого необычайного судьбоносного для казахов человека – Евнея Букетова – целой созидательной эпохи в жизни своей Сарыарки.

* * *

Откуда на берегах разлившейся Нуры появились эти ивы?!

По берегам реки растут красивые ивы: они изгибаются под последними благодатными лучами солнца. Кто окутал Караганду, в которой кроме караганника не было других деревьев, в шелковистую зелень?! Эти листья разговаривают подобно людям, «по следам которых растет трава»: разделившие бремя с достойными нашими предшественниками пленницы Карлага Кульжамал (супруга Беимбета), Куландам (супруга Султанбека Ходжанова) посадили своими руками эти ивы, которые напоминают мне теперь их самих.

Раскачиваясь как в колыбели в мягкой перине на конной арбе, пересекавшей территорию Карлага по степной дороге, опьяненная майскими ароматами степи, пробужденная от крепкого сна трелями жаворонка, я видела окруженную колючей проволокой зону и высокие вышки, на которых стояли охранники-стрелки с винтовками. Кто мог тогда предвидеть, что подобная участь ждала меня, в тот момент маленькую девочку с развевавшимися прядями волос?! Если бы не пролились на эту землю мой горький пот и моя кровь, может быть, навсегда из памяти людей был стерт АЛЖИР.

Я встряхиваю головой: шагаю чаще и отдаляюсь от далекого от моих мыслей Евнея-ага. Я поражаюсь отдельно стоящему пруту ивы, который под степным ветром изгибается, но не ломается. Разве не свое беззащитное состояние в ее образе воспевал поэт Мукагали: «ива, которую могут срезать»? У поэта не было сомнений, что его тоже могут срезать как иву. Кто может отрицать,

что одинокий прутик ивы, торчащий на берегу ручья, берущего начало с гор Хан Тенгри, напоминает самого Мукагали, которого срезала «бюрократическая машина»?! Как собирается расти, распускаться листьями под напором сильного карагандинского ветра этот одиночный прутик ивы?! Я смеюсь. Сейчас я сама превращаюсь в природу-мать: «Обращаюсь к тебе, мой соловей, под сияющим солнцем распускаются листья ивы», – это происходит со мной, а не с Мукагали...

Басня – жанр с глубокой историей и «мудрый» в своем познании. В 1931 году, когда родился Мукагали, были «повалены» дубы-гиганты. Является закономерностью и исторической правдой, что кто-то может срезать выросший от этого корня слабый прутик ивы. Также историческая правда в том, что в год оправдания гигантов Рымгали Нургалиев по телевидению сказал: «Мукагали – жертва тоталитаризма».

Люди бежали из ставшей столицей Карлага Караганды: прятались по разным укрытиям. Под этим страхом вздрогнуло общество. Бежавшая из большевистской России в Париж Ирина Одоевцева писала в своем мемуарном романе «На берегах Сень»: «Мы благодарны этому дню, что бы мы делали, если бы оказались в Караганде».

В Карлаге – в Караганде, где весь век не обновлялась земля, я как безрассудная «белая ворона» пыталась основать центр литературных ценностей и искусства, но в итоге нашла лишь себя – возможно, поэтому меня не смогли «срезать»...

Когда ветер перестройки встряхнул пыль истории, спустя более шестидесяти лет Андрей Вознесенский привез из Парижа в родной Петербург современницу Блока и Гумилёва поэтессу Ирину Одоевцеву. Если бы после обретения Казахстаном независимости в 1990-е годы я не переселилась «этапом» из Караганды в Алматы, может быть, осталась лежать на кладбище Спасска, где были захоронены многие узники Карлага разных национальностей.

Два общества – две судьбы. По тайной причине, как унесенное ветром перекати-поле, я оказалась в Доме-музее Ауэзова в Алматы, расширилось мое географическое пространство, но ждалось общественное: в Караганде это вызвало резонанс, подобный воскрешению распятого на кресте Иисуса Христа. Мои «хозяева», не доверяя своим ушам, послали своих доверенных лиц, которые подтвердили данный факт. Моя карагандинская «биография» по всем правилам тоталитарного «закона» получила свое подтверждение. А мое творчество получило новый импульс: я приобрела много возможностей познать общество, в котором жила.

Написанная Ауэзовым в начальный период учебы в семинарии первая статья называлась «Основа человечества – женщина». Иногда я примеряю к самой себе смысл слов, дошедших посредством Турагула от Абая: они подобны измерителю моей жизни. Перед посвящением себя великому началу – Абаю – обращение к матери, языку матери, было у Мухтара подобно клятве писателя: золотая основа идеи просвещения, которой он честно служил до последнего вздоха.

В свое время я с большим интересом смотрела спектакль «Мать – мать-земля» в постановке А. Мамбетова, но любовалась им только внешне. Как можно понять Айтматова, не став самой матерью-землей! Философская тема матери у Ауэзова и Айтматова переходит на уровень всемирного познания.

...Оказывается, когда в Караганде я до последней минуты и последнего часа терпеливо дожидалась момента истины – «решения прокуратора» (М. Булгаков), меня не отпускала сила притяжения Сарыарки, держала в своей ладони. Я не смогла тогда выпрыгнуть из своей сущности.